

состава, особенно адмиралов Максимова и Кедрова, который имел особое наблюдение за Балтийским флотом... (Разговоры просят не заносить в стенограмму.) ...Розыски морского министра. Я лично остановился бы на Колчаке. Я Колчака высоко ценил как моряка, как администратора. С самого начала я подумал, что без гражданской войны и контрреволюции мы не обойдемся, и в числе лиц, которые могли бы возглавить движение, мог быть Колчак. Я думал и о Гурко², об Алексееве, но меньше, а Колчак представился мне подходящей фигурой, но я боялся его взять с Черного моря потому, что первые дни он там овладел положением. Поэтому если вызвать его в Петербург, то мы потеряли бы [достигнутое там]. Тогда я посоветовался с Савичем, и мы решили с ним пойти посоветоваться с адмиралом Григоровичем, который был одним из немногих министров, еще не арестованных. Он меня не жаловал, потому что я не был сторонником его назначения. Когда ушел Воеводский, была борьба за это, мой кандидат был князь Ливен.

Так вот, мы отправились к Григоровичу, он сидел в Морском министерстве, его не трогали. Я ему объяснил положение и говорю: «Помогите мне найти самого подходящего моряка, какой только у нас есть». Помню как сейчас, он взял маленькую толстую книжку чинов морского ведомства, и мы втроем просто пошли по списку, он все браковал, особенно старших, и в конце концов получилось три у нас: Колчак, Кедров, молодой адмирал из капитанов I ранга, третий был адмирал Бахирев, которого я мало знал. Когда мы этот список составили, надо было выбрать одного, было колебание между Кедровым и Колчаком, и только вот это соображение, что он совладал на юге и как бы его уход оттуда не повел к развалу здесь, заставило остановиться на Кедрове. Он согласился, был вызван. Вот [что получилось], по оценке Григоровича, который знал [командный] состав, причем, надо сказать, Григорович ни Колчака, ни Кедрова не жаловал и старался быть объективным³.

**<«Среди сухопутных генералов я не знал никого,
кто мог бы в этом отношении сравниться с ним»>
<Из письма А. И. Гучкова Д. В. Филатьеву>**

Глубокоуважаемый Дмитрий Владимирович, Вы сняли большую тяжесть с моей души. Мысль, что я нанес Вам большой, м<ожет> б<ыть>, непоправимый ущерб, если этот экземпляр был единственным, (а о втором, находившемся у М. С., я не знал), очень меня мучила. Очень рад, что Вы так добродушно отнеслись к моей оплошности.

Вы спрашиваете мое мнение по содержанию Ваших воспоминаний о Колчаке. Покойного адмирала я знал давно, задолго до войны, и знал хорошо. Он принадлежал к тому небольшому кружку молодых моряков, при помощи которых патриотическая группа членов Думской комиссии по Государственной обороне пыталась воссоздать нашу морскую мощь.

С первых же дней февральской революции я подумал о нем, как о возможной центральной фигуре для той второй национальной революции, без которой не могло быть спасения. У меня была мысль взять его себе в помощники Морского министерства (фактически в морские министры). Отказался я от этой мысли под впечатлением тоже блестящих успехов, которых достиг адмирал в первые же дни в борьбе с развалом черноморского флота, причем эти успехи были личным делом адмирала. Соведает ли он с общим развалом флота, в частности Балтийского, было под вопросом. А что черноморский флот, лишенный обаяния личности адмирала, быстро покатится в бездну, было, к сожалению, вне сомнений. Эти соображения и заставили меня отказаться от кандидатуры адм. Колчака и оставить свой выбор на втором моем, с самого начала, кандидате, адм. М. А. Кедрове. История колчаковского периода командования черноморским флотом в революционные дни представляет много поучительного и имеет немало аналогий с деятельностью ген. Корнилова в его петербургский период, — уступки во второстепенном и непреклонность в существенном, — так, матросные комитеты были созданы по его инициативе, не ожидая захватных действий снизу, только комитеты он прибрал к рукам.

По мере того, как развивалась революция и все яснее вырисовывалась неизбежность нового военного переворота, будущая роль адмирала как возглавителя этого движения становилась все ярче. Среди сухопутных генералов я не знал никого, кто мог бы в этом отношении сравниться с ним. Правда, и требования, которые предъявлялись к вождю национального переворота и к бывшему диктатору, были, можно сказать, недостижимо высоки.

